

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Замерж за
БЫВШЕГО

ЛЮБОВЬ ПОПОВА

Любовь Попова
Замуж за бывшего
Серия «Самсоновы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50308532

SelfPub; 2022

Аннотация

Он мой бывший. Безжалостный и жестокий бандит, рвущийся к власти. На его пути встала я, когда – то девчонка, на которой он издевался в детском доме, а теперь успешный переводчик. Чтобы меня приструнить, он вынуждает выйти за него замуж. Только у меня нет на это времени. Мне нужно найти сына. Нашего общего сына, вырванного из моих рук много лет назад.

Любовь Попова

Замуж за бывшего

Пролог.

– Юра. Я пойду с тобой. Не надо стрелять.

Старичок молчал, как будто воды в рот набрал и смотрел только вперед, туда, где часть дороги выделялась пятном света, а по периметру сплошной мрак.

И в глазах Юры мрак, а тело напряжено, ноздри раздувались, как после бега.

Сейчас он походил на лесное косматое чудовище, и я к стыду своему, чувствовала некий благоговейный страх перед его гневом.

И вдруг Юра оскалился и нажал курок.

Я закричала и сложилась пополам от ужаса происходящего, но тут же пришла в себя.

Выстрела не было. А эти двое смеялись. Правда, водитель несколько натянуто, зато Юра красиво. Закинув голову назад и сверкая белыми зубами.

Из дула пистолета со щелчком выскочило лишь маленькое пламя, даже не коснувшееся мужичка. Зажигалка!?

Меня пробрало настолько, что я заплакала. Во мне бурлило и облегчение, и обида за столь неудачную шутку.

– То кричат, то ноют. – насмешливо произнес Юра. – Ба-

бы, что с них взять. Спасибо мужик, что подвез.

– Она говорит, ты ее похитил, – кивнул фермер в мою сторону.

– Да, жена это моя! – грубо хохотнул Юра и резко подтянул меня к себе, сжав в объятиях. – Игра у нас с ней такая. Правда, милая?

Он чмокнул мне нос и угрожающе заглянул в глаза.

И вопрос был только в том, нет ли в закромах у Самсонова еще одного, но уже настоящего пистолета.

– Игра, – вряд ли у меня был вид влюбленной женщины, но я все же разомкнула губы в легкой улыбке. – Спасибо, что подбросили.

– А, ну раз игры, – перестал напрягаться фермер и попытался завести машину.

Она немного по обижалась на неуважение к русскому авто-прому, но все-таки завелась.

Все это время Юра прижимал меня к себе, и я чувствовала как тяжело и гулко бьется его сердце в грудной клетке.

Тук! Что сейчас будет. Тук! Он меня убьет. Тук! Мне пиз**ец.

Уезжая, и оставляя меня наедине с Юрой, фермер ворчал что-то об извращенцах, которым бабки и время некуда девать. И была в этом своя правда.

Нас облепила густая тьма, только голубоватый свет выделял наши лица: его, неожиданно злое, и мое ожидаемо испуганное.

По коже мурашками ходил мороз, но я знала, что с холодом это никак не связано. Было тепло, несмотря на раннее утро. Розовая полоса в дали неба, так и не добралась до нас.

Все произошло так быстро!

Господи, как я хотела оказаться дома, в офисе где угодно, только бы подальше от него и своих к нему чувств.

Я ничего не могла с собой поделать и испуганно рванула в сторону, в шаткой надежде на спасение.

– Совсем, дура! – вдруг заорал он, рванув меня и буквально впечатал в себя, так что я охнула от боли. Его грудь казалась каменной глыбой.

– Тебе повезло, что мужик божьим одуванчиком оказался. Другой бы прямо в тачке твои ноги раздвинул! Мало, тебя пользовали? Захотелось еще?

– Лучше он, чем ты! – запальчиво крикнула я ему в лицо и сдобрила слова пощечиной.

Его голова дернулась, а когда он снова посмотрел на меня, я в очередной раз поняла, какую ошибку совершила. В голове заезженной пластинкой крутились его давнишние слова: «Тебе пиз**ец, Фролова.»

Мне пиз**ец, и я видела это по полыхающему огню в его глазах, который разгорался все ярче.

– Я...

Он схватил меня за растрепавшуюся косу, оттянув до боли и прошипел в лицо.

– Когда-то ты так не думала! Очевидно, за столько лет ты

набралась наглости и изменила свое мнение. Может быть, проверим?

– Что проверим... Что ты...

Я не понимала, что он имел в виду, но его моя и не волновала.

Он просто оторвал меня от земли и грубо запихнул на заднее сидение своего джипа, а сам сел за руль.

Глава 1.

*** Мелисса ***

Неоновая вывеска «Парадиз» озаряла пространство похлеще ночных фонарей

Она словно заявляла всем и каждому, кто имел не осторожность пройти мимо: «Здесь дорого и пафосно».

Простому человеку попасть в клуб нереально, но если ты красива, молода, а юбка напоминает скорее широкий пояс, то тебе здесь самое место.

А если имелась VIP проходка, принесенная Маринкой из соседнего отдела, то можно было даже не отстаивать длинную очередь.

В конце нее ждала пара без эмоциональных амбалов, проверяющих достаточно ли откровенен твой наряд.

Мой наряд – самое то. Бордовое в блестках платье на тонких бретельках. Достаточно короткое, чтобы ощутить, как обнаженные участки кожи обдувает прохладный августовский ветерок.

Пока девчонки давали полапать себя мужчинам у входа, хихикая как идиотки, я взглянула на вывеску и общий фасад здания.

Безвкусица.

Как, впрочем, и внутреннее убранство, что я увидела спустя пару минут. Но черная кожаная мебель, мигающий свет, басы, долбящие по мозгам, полуголые официантки и жадные, мужские взгляды – это то, что мне сейчас нужно.

То, что нужно, чтобы отметить свою маленькую победу. В моих руках были долгожданные документы на развод.

Свобода!

Немного покрутившись у зеркала на входе, поправив и без того идеальные прически, мы с девчонками двинулись вперед.

Отжигать. Зажигать.

Да и просто поджигать танцпол.

Несмотря на то, что я не была душой нашего коллектива, мою идею сходить в клуб приняли с поросычьим восторгом.

И вот спустя несколько часов я, заправив рыжую прядку за ушко с улыбкой наблюдала, как коллеги предвкушающе осматривают до отказа заполненный клуб.

Здесь душно, да так что сделать вдох полной грудью крайне затруднительно. Вентиляция явно работала на последнем издыхании, создавая вокруг отдыхающих призрачную, пропахшую запахами пота, сигарет и секса, дымку.

Её было еще хорошо видно из-за бьющих по глазам софи-

тов, мигающих в такт музыке, которой управлял диджей на самом верху.

Судя по довольным лицам людей, он знал свое дело.

– Ну что? – кто-то из девчонок подал голос, стараясь перекричать музыку. – Найдем место?

Вопрос был совершенно рациональным, и мы все весело кивнули, а вот жжение в затылке таковым не было.

Я на миг обернулась, но на меня смотрело так много народу, что выделить кого-то одного, не представлялось возможным.

Мужики буквально пожирали взглядом моё тело... Но не один не сравнится с тем как давным-давно смотрел на меня... Он.

Так что сначала хотелось спрятаться, а потом покориться. Просто лечь и ждать, когда он возьмет то, что принадлежало ему по праву. Силы. Наглости. Жестокости.

Не потому что можно, а потому что захотел.

Наконец мы добрались до вип-зоны и плюхнулись на, не вполне к месту, мягкие диванчики. Такие, скорее должны стоять в гостиных, потому что манили отдохнуть, а не отрываться на танцполе.

Пока девчонки делали заказ, шумно обсуждая коктейли, я разглядывала крупное помещение, очевидно бывшее когда-то складом.

– Тебе секс?

– Что? – взглянула я на Марину. Веселая, жгучая брюнет-

ка. Мы с ней с первых дней моей работы в редакции журнала невзлюбили друг друга, но сегодня оставили конфликты позади.

– Коктейль. Секс на пляже?

– Да хоть секс на столе, главное выпить, – натянута улыбнулась я, чувствуя внутри настоящий кайф от собственной свободы, стараясь отречься от вечного чувства вины.

Кайф растекался во мне гуще любой патоки, горячее любого спиртного, острее любого ножа. И мне хотелось выплеснуть это, скинуть с себя оковы неудачного брака, неудачной юности и просто танцевать. Просто жить.

Но мое устремление прервал, как всегда, не вовремя звонивший телефон.

И там, к сожалению был не слон, и требовал он не шоколада, а объяснений.

Какого черта, я развелась без его ведома?

Я устала слушать Сержа, я вообще устала только от одной мысли о его лощенной физиономии. Именно поэтому на радость, замершим в предвкушении развязки девчонкам, крикнула:

– Да, пошел ты в жопу!

Он что-то пролепетал, про то, что не понимает русский сленг, на что я, пуще прежнего рассмеялась.

– Если не понимаешь, учи язык. Козел!

С этим я и закончила период жизни, который длился почти шесть лет. Пять из них я была замужем за одним из са-

мых известных театральных режиссеров Лондона.

И брак мог быть вполне удачным и долгим, если бы не моя, так называемая фригидность. Он не пытался помочь мне с ней справиться, он просто трахал других. На чем и был успешно пойман. Тетя конечно отнекивалась. Но я наконец получила повод. Оставить ненавистную жизнь в Лондоне и вернуться в Россию. Поближе к Никите.

– Лиска, ты вот задумалась, а вон кто-то задумался о тебе. Смотри какой шикарный мужик, – вырвала меня из раздумий Марина. Кивнула на противоположную сторону балкона.

Глава 2.

Девчонки неделикатно посмотрели туда же и одобрительно заулюлюкали.

Я проследила за их взглядами, но прокуренное облако не дало мне понять, кого конкретно они имеют в виду.

– Ты о ком?

– Глазки то, открой. Вон тот «тарзан» уже минуты три глаз с тебя не сводит.

И правда, что тарзан. Крупный, волосатый. Причем, с дредами, интерес, к которым, я вообще никогда не понимала. Кожаная куртка, джинсы.

Крут конечно, но меня бандиты никогда не привлекали.

И взгляд вроде разглядеть можно. Тяжелый, нахальный.

Когда он подмигнул, меня передернуло, к этому прибавилось чувство тошноты из-за двух брюнеток, буквально вы-

лизывающих ему шею.

Не удивлюсь, если под столом сидела третья и активно ему отсасывала.

– Не в моем вкусе, – отвернулась я, но успела заметить, как он подзывает официанта.

– А чего?

– Есть исследование, что парни с длинными волосами, так компенсируют длину члена, – совершенно серьезно произнесла я, но девчонки все равно рассмеялись.

– Да ладно? – спросила Ленка, сидящая напротив, широко открыв глаза.

– Не знаю, – фыркнула я – как раз принимая у официантки стакан с коктейлем. – Я это только что выдумала.

Очередной взрыв хохота и алкоголь добавили в кровь адреналина, и мне захотелось выплеснуть его в жарком танце.

– Хочу вниз! – встала я с дивана. Поманив пальчиком подруг и виляя обтянутой тканью попкой, я направилась по лестнице вниз.

И даже пятнадцатидесяти сантиметровые каблуки не были помехой. Потому что я хотела движения.

Я хотела жить.

Мгновенно подхватив ритм, я задвигалась под стрелами пристального, мужского внимания.

Сегодня я его хотела, впервые за много лет оно не вызывало раздражения. Лишь легкий отголосок возбуждения, прокатившегося по извивающемуся в танце телу.

Я полностью отдалась мелодии, проглядывающей сквозь тяжелые басы и ударные. Мое тело пело, и я вместе с ним, лаская себя, покачивая бедрами.

Подняв руки вверх, я запустила ладони в волосы, перебирая темно-рыжие, благородного оттенка, как говаривал Серж, пряди.

Я пропускала их сквозь пальцы, чувствуя, как меня, старательно, раздевают мужские взгляды.

О, какой же я ловила кайф.

– Лиска, да ты секс – бомба! – прокричала мне на ухо Марина, и, повернувшись спиной, прижалась своей тощей задницей, подхватывая плавные движения моих бедер.

Её удивление было понятно. Закрытого вида одежда и стянутые в пучок волосы на работе мешали разглядеть во мне, не то что секс-бомбу, а просто женщину.

Мымра, сказал бы Новосельцев из известного советского фильма. Осталось найти своего очкарика и познать, наконец, женское счастье. Утраченное давным-давно.

– Сто лет так не отрывалась, – прозвучал в ухо голос Оли, давно уже замужней девушки, когда мы, пошатываясь вернулись наверх.

– Не уверена, что уйду на своих ногах, – хихикнула другая. – И судя по тому, как она переглядывалась с парнем с соседнего столика, говорила она в прямом смысле.

– Он снова не спускает с тебя глаз, – заговорщически шепнула Марина, пропуская очередной мартини. Она была по-

мошником главного редактора в журнале, где я устроилась переводчиком. Несмотря на большие деньги я никогда не сидела без образования и работы. Что бесило Тетю и мужа. Действительно, зачем наследнице миллионного состояния работать.

А мне нравится. От воспоминаний отвлекает.

– Слушай, а может тебе, стоит проверить свою выдуманную теорию? Кажется он собирается идти к нам.

Глава 3.

– Кажется он собирается идти к нам? А нет... Жаль, – предложила Марина, когда я покачала головой на очередное подмигивание настойчивого поклонника. – Так что насчет длины его члена?

– Что самое страшное. Так. Это то, что он наверняка даже не откажется достать член на всеобщее обозрение, – скривилась я, стараясь не смотреть на мужчину. Его взгляд мог бы выжечь во мне дыру, будь хоть на миг волшебным. – Хочешь его, забирай.

Да, сколько можно?

В этот же момент к нашему столику подошел администратор, по крайней мере, точно не официант, ибо его торс был прикрыт рубашкой.

Смущаясь, он поставил на стол поднос с графином, рюмкой и нарезанной селедкой.

Да вы шутите?

Склонившись ко мне, он собирался что-то сказать, но я не выдержала и рассмеялась.

– Водка? Кто дарит девушкам водку?

Девчонки меня поддержали, что вызвало на лице админа явственное недовольство.

– Я бы на вашем месте не отказывался.

– Ну, так и не отказывайтесь, выпейте, – хамовато заявила я, откинувшись на спинку диванчика. Черт. Уже знаю, что перегибаю палку, но не хочу давать мужику с внешностью бандита – тарзана ни одного аванса.

Конечно парни могут понимать под нет, да... но я была не из таких.

Админ ушел, а взгляд мужика на той стороне стал ледяным. И меня откровенно говоря передернуло, словно я только что выкинула пульт управления от несущегося на всех парах состава. Несущегося в пропасть неизвестности.

Ну вот чего мне бояться в достаточно приличном, переполненном клубе?

Бандит долго смотрел, как водка на подносе возвращается в бар. Потом тоже откинулся на диванчике и больше не обращал на нас внимания.

И что-то мне подсказывало, что он просто затаился.

Еще спустя пятнадцать минут я поняла, что пять коктейлей дают на мочевой пузырь. Девчонки уже меня не различали. Или я их?

Одна пересела на чужой столик, Марина с Леной что-то

бурно обсуждали. И еще одна, имени я ее не помню, ушла танцевать.

Я долго пробиралась сквозь тесную толпу. Улыбнувшись нескольким, приятного вида мужчинам, я подумала, что такие вот, лощенные, простые, мне подходят больше, чем всякие хозяева мира.

Найдя наконец нужную дверь, я порадовалась чистоте и свежести внутри покрытой черным кафелем уборной. Здесь царил полумрак, окрашиваемый розоватым светом, люющим из ламп над раковинами.

Вообще я любила розовый. Он шел мне и красиво оттенял рыжие волосы, но в этом клубе его было чересчур много.

Когда я входила в кабинку, в помещении было трое, когда вышла, не осталось никого. Учитывая переполненность зала, это было странно.

Правда странно.

Но размякший от спиртного мозг этому факту не уделил должного внимания.

Зато я уделила внимание себе.

Поправила волосы, ополоснула лицо и шею.

Опершись руками на раковину, я разглядывала красную помаду, блестящую ткань платья обтянувшее тонкую талию и крупную, высокую грудь. Когда-то я усиленно худела, но на зависть всем, сиськи, так и осталась третьего размера.

Сегодня весь мой вид говорил о желании найти мужика. И если честно, я бы не отказалась от какого-нибудь деликат-

ного любовника, способного утолить жажду по ласкам, что всегда испытывали мои соски.

Я улыбнулась сама себе, потому что действительно выглядела потрясно. А возможно во мне говорила текила?

– Сама бы себя трахнула.

– Давай лучше я, – пронзает меня басовитый хрип сзади, и я резко сморю в отражение. Но уже не на себя.

На темный, возвышающийся горой, силуэт за спиной.

Черт. Все-таки затаился.

Глава 4.

Я дернулась от звука этого раскатистого баса.

В зеркале замаячила огромная тень, и я резко крутанулась на каблуках.

Сердце пропустило удар. Какой уж тут деликатный любовник.

– Мне кажется, вы ошиблись дверью, – попыталась сказать строго, но голос выдавал страх.

Тот самый «тарзан», стоявший передо мной, и вдалеке казался крупным, а здесь словно крал жалкие крохи личного пространства.

– Это ты детка ошиблась, когда посмотрела в зубы дареному коню, – растягивая слова, ответил мужик, разглядывая моё тело, словно уже вытрахал его в самых разных позах.

Такой взгляд был оскорбительным, и я не сдержав порыв, за который в трезвом состоянии дала бы себе в лоб, сказала:

– Конь – это благородное животное, а я перед собой вижу

только невоспитанную обезьяну.

Взгляд из возбужденного, стал пустым, а в следующий миг на моем горле сомкнулась рука, показавшаяся стальной.

Я даже понять не успела, когда он приблизился.

Воздуха в легких почти не осталось, а в голове толчками бились кровь и страх. Он обволакивал меня. Картинки из прошлого мелькали в сознании, которое ускользало от давления на шею.

Это уже было. Когда-то давно меня хотели взять силой.

Удар. Разбитые коленки. Рука на лице, и член, срывающий самое сокровенное, что только могло быть у девочки.

А потом психологи, долбанная фригидность. Больше этого не должно повториться. Я не зря трачу четверть месячной зарплаты на персонального тренера и психолога.

Я могу за себя постоять!

Я не слабая!

– За свои слова надо отвечать, детка. И за свои действия, давай-ка... – рвет его бос пленку неосознанности.

В миг, открываю глаза шире, вглядываясь в черную мерзлую пустыню его глаз, и поднимаю руки, с двух сторон, оглушая резким ударом по ушам.

Рука на шее на мгновение разжалась, но не успела я сделать движение в сторону, чтобы дать себе отдышаться, как мне прилетело в ответку.

По лицу.

Да так, что искры посыпались из глаз.

– Любишь по жестче?! Так даже лучше. Снимай свои тряпки! – заорал он, дергая капрон на колготках.

– Черта с два! – закричала в ответ и пнула коленом в пах.

Пока он согнулся пополам, постаралась обойти его, убежать, скрыться от этого зверя. Тщетно. Он уже оклемался, потому что в следующий момент я с визгом отлетела в сторону.

С треском врезалась в стену, чувствуя, как острая боль пронзает плечо.

А он уже рядом, и я слышу, как тяжело дышит, обдавая меня парами спирта, сигарет и чего-то, тошнотно сладкого. Кокаин? Задница. Он не только на член насади. Я же больше ходить не смогу. В этом состоянии мужики вообще кончить не могут.

Он рывком подтянул меня к себе и грубо поцеловал, сразу врываясь в рот твердым языком, сминая грудь огромной лапой.

– Понравилось? – шепнул он, шаря в бюстгальтере рукой, которую я пыталась отпихнуть. Безуспешно. Словно капкан раскрывать.

– Нет! Найди себе другую шлюху! – заголосила я ему в ухо и плюнула, показывая, ка-ак мне понравилось

– Мне нравишься ты.

Глава 5.

– А ты мне нет! – Очередная пощечина его только раззадорила, следующая так и не долетела до адресата.

Он удержал мою руку и стянул с себя футболку, демонстрируя мускулистую, татуированную грудь и твердый пресс.

Животное, не иначе! Ни капли схожести с изнеженным торсом Дэвида, а в глаза ни капли той деликатности.

– Я не хочу! – уже кричала я, надеясь, что меня услышат и помогут, но взгляд насмешливых черных глаз, убивал последнюю надежду. – Помогите!

– Кричи, да по громче, мои пацаны давно ничего кроме: «Возьми меня» – передразнил он женский голос, – не слышали.

Я не могла в это поверить, я не хотела принимать факт того, что мною овладеют, как вещь. Попользуют и выкинут. В туалете.

Опять!

Опять?!

Зарывав и напрягая последние силы, я дернулась, вырвалась, отчего лямка блестящего платья врезалась в кожу и с треском порвалась.

Но не наряд меня беспокоил, а дверь. Я забарабанила в нее. И кричала. Громко, отчаянно.

– Помогите! Помогите! Насилуют!

Мои волосы оттянули его крупные пальцы, и он внезапно лизнул мне влажную, от испарины шею, прорывчав:

– Какое насилие, мы же просто развлекаемся. Игра у нас такая. Пре-лю-дия.

– Засунь свои игры в задницу!

Перед моими глазами мелькнула длинная дреда, и я не раздумывая, резко за нее дернула.

– Они тебе мешают? Как раз хотел их срезать, – хохотнул он, и вдруг отпустил меня.

Я тяжело дышала, чувствуя, как слезы начинают заливать мне лицо и грудь.

Подергала за ручку.

Закрывается!

Он точно сумасшедший. Псих!

Это стало еще понятнее, когда я повернулась, прижавшись к двери, и увидела, как он разбивает кулаком зеркало и огромным осколком срезает себе почти все дреды.

Я закричала от ужаса. Господи! И чем я только привлекла его внимание!? Ему что, шлюх мало?!

Кровь на ладони он словно не чувствовал, и в два шага приблизившись ко мне, вжал грязную руку в платье, потянул на себя, в миг его порвав. Бюстгальтер сорвал следом, почти не прилагая усилий.

Я завывала сильнее от страха и ужаса, отталкивая его, приближающееся к моим губам, лицо.

– Отпустите меня! – уже молила. – Прошу, я никому не скажу, просто уйду, – я вдруг взглянула на узкое окно за его спиной.

Он заметил, куда я смотрю и тут же со смешком обхватил мой зад, вжимая в свой твердый, огромный член.

– Твоя аппетитная задница туда не влезет, зато в нее пре-

красно влезет мой член. Не рыпайся, и дай себя трахнуть, рыжуля.

Это «рыжуля» снова вернуло меня на много лет назад.

Всего на мгновение, но именно это придало силы.

Окно действительно было узковатым, но по правилам пожарной безопасности, я могла туда влезть.

Я посмотрела в черные глаза. Ненависть клокотала во мне кипящим коктейлем. Не так я хотела закончить этот вечер.

Точно не сексом с уродом на грязном полу сортира.

Удар лбом в его кривоватый, явно не раз, сломанный нос, был адски болезненным, но действенным. Ибо «Тарзан» тут же за него схватился, когда кровь полилась ручьем.

– Вот же, су-ука!

Я тут же бросилась к окну, задергала за ручку, открыла. Напрягая руки, попыталась влезть.

– Тебе помочь? – спросил мужик насмешливо, обхватывая руками талию и вдруг кусая за ягодицу. Я дернулась и

вскрикнула от острой боли, отчего повалилась на него спиной.

Он уже не совсем в адеквате завалился назад, потянув меня за собой.

Разбил спиной часть керамической раковины, создав невообразимый шум, но и это его только рассмешило.

Он схватил меня за ногу, когда я тяжело дыша и шмыгая носом, попыталась отползти от него, и повалил уже на мокрый от крови пол.

– Отпусти, – кричала я, отбиваясь и стараясь причинить как можно больше вреда его спине. Но больно было только рукам, которые словно сталкивались с деревянной стеной. – Отпусти меня, урод. Я не хочу тебя!

Но он уже молча улыбался, и я видела в его глазах безумие, больше похожее на одержимость.

– Давай, рыжая. Давай, сладкая.

На шум разбитой раковины прибежали трое.

– Помогите! – сразу крикнула я, пытаюсь столкнуть с себя

мощное тело, но обезьяна расхохоталась и, повернув, к вошедшим голову, рявкнул:

– Свалили, я еще не кончил. – и в тот же момент палец одной руки протискивается внутрь меня, полоснув обжигающим стыдом.

Ну почему там так влажно?!

– Помогите, – снова крикнула я, выгибаясь и пытаюсь убрать от себя руку, но он продолжает толкаться внутрь. – Будьте же людьми!

Лица охраны остались каменными, а дверь закрылась.

Щелчок прозвучал, как предсмертный гонг. Выхода не было и пришло понимание, что вот сейчас нужно перестать сопротивляться, чтобы он просто не убил меня.

Потому что это вряд ли кого-то заинтересует. А те три амбала с каменными харями преспокойно вынесут моё тело через заднюю дверь, чтобы не беспокоить отдыхающих, и бросят в реку.

Понимание то пришло, а вот желание оставить хоть крошку достоинства взяло верх.

Я не могла заставить себя лежать спокойно, пока он вылизывал мои соски, трахал пальцем и расстегивал ширинку.

Я сопротивлялась, просто не могла иначе.

Кричала, извивалась, царапала, тянула за остатки дред. Я хотела сделать, хоть что-то, причинить боль, разорвать, спастись!

Но его тело было огромным, а силы, растраченные на дра-

ку, уже заканчивались.

Выхода нет, а бежать от постыдного грязного удовольствия просто необходимо!

Глава 6.

*** Юрий Самсонов. За пол часа до сцены в туалете ***

Хотелось в кровать. Не трахаться. Лечь на прохладное свежестиранное белье и забыться сном, в котором всегда мелькало одно и то же.

Яркие, цвета огня волосы и стоны. Сначала болезненные, а потом от наслаждения.

Впрочем, и здесь было неплохо. Пацаны. Музыка. Телки поджарые на танцполе зажигают. Официантки полуголые так и жаждут, чтобы забрал их из этого пропахшего алкоголем и сигаретами места и сделал своей.

И главное ведь, что?

Мое это все. Каждый сука болтик, каждый осколок разбитого где-то стакана.

Раньше моей была только Меллиса . Только ее отвоевал у своры детдомовских волков. Чтобы ебать, чтобы любить. Она сука, конечно, не ценила ничего.

Хватит голову прошлым забивать и без того дел много. Выборы. Имиджмейкеры эти, достали, почти на шею сели. Я вчера так и спросил:

– Вы отпердолить меня хотите? Поэтому так тесно прижимаетесь?

Поржал я с их рож, знатно. Вот и сейчас можно поржать над какой-то пошлой историей Рванного. Мы его так зовем из-за груди. В нее как-то питбуль вцепился. Выжил ведь.

– Самсон.

Я оторвал взгляд от мелькающих по танцполу огней. Надо мной стоял Серый. Стабильный как семяизвержение. Серый костюм. Блеклые волосы. Чет вечно без бабы. Странный, но надежный.

За его спиной маячили две малышки. Одиновые. Светловолосые. Четкие такие. Полапать есть за что, хотя грудь маловата.

– Юрий Алексеевич, – хором пропели они, но из-за музыки пришлось читать по губам. – Мы хотим поблагодарить вас за работу, которую нашел нам Сергей Вениаминович.

– Так он же нашел. Его и благодарите.

Пацаны заржали, а Серый, только закатил глаза.

– Обойдусь, – отмахнулся он и кинул на стол маленький пакетик. – Развлекайся, раз уж захотелось. Когда оскопление?

Парни снова заржали, а девки разом переглянулись. Испугались поди.

– Не волнуйтесь красавицы, свою елду я даю только в женские ручки, ротики и пилотки. Дреды будем резать. Говорят не положено с ними депутату.

– Давно надо было их срезать, – напомнил Серый. – Тоже мне. Обезьяна, а не депутат.

Я уставился на него, так словно он уже в судорогах бился у меня под ногами с перерезанным горлом. Он по-быстрому свалил. Наверно не хотел портить свой ох**ий нос.

Я кивнул так и стоящим, как по стойке смирно девчонкам и они сели по обе стороны от меня.

Спрашивать, как они устроились в новой квартире и на работе не стал. Были дела поинтереснее.

Никогда не баловался этой дрянью, но сегодня решил устроить себе компромисс. Дреды режем, кокс нюхаем. И разве не должен человек попробовать в своей жизни все.

Впрочем, были вещи, неприемлемые даже для такого отморозка, как я.

Насыпал себе дорожку. Даже не знаю.

– Вставляет хоть? – спросил у Кабана. Тот уже тискал какую-то девчонку, снятую у бара. Ничего такая, рожа правда туповата. Но чтобы сосать, мозгов и не надо.

– Эй, ты поаккуратнее, – посмотрел он на стол, потом на меня. – Много занюхаешь, потом соображалка туго будет работать.

– Ну и отлично. Сегодня мне мозг не нужен, главное чтобы член стоял, как каменный. Верно девчонки?

Близняшки захихикали, и склонившись к друг другу, что-то зашептали. Я тем временем втянул носом дорожку порошка.

Меня тут же, как будто облили ледяной водой. Все тело покрылось мурашками, а в следующий миг задрожало, как

в лихорадке.

Но в голове... Черт. Пусто, как у алкаша. Все, еще ярче стало казаться. Музыка раздражать перестала. И девки эти сразу принялись меня обрабатывать. Наверное, мало им Серый отстегнул.

В голове шумели басы, а свет мигающий на танцпопе почти умиротворял.

– Торкнуло тебя Самсон, – заржал Кабан, усаживая девку к себе в ноги.

– Я не могу, так сразу.

– Отсосешь, свожу тебя в ресторан.

Это подействовало, правда с небольшим нажимом.

И вот блондинка принялась дрожащими пальцами растегивать его ширинку. Его не зря Кабаном называли.

Там член почти с руку был. Ну ничего взяла, сосет.

По-рабочему так, с удовольствием, а Кабан подгоняет. То за волосы возьмет, то нос зажмет, чтобы брала глубже, в самое горло. Да так, что слюна уже намочила ей футболку, под которой проявились отличные титьки. И соски острые, крупные. Кто сказал, что баб минет не возбуждает?

Я отвернулся от этого зрелища, зная, что мне-то точно сегодня сосать будут две. Язычки у них юркие, шероховатые. Вон, как горло вылизывают.

На секунду прикрыл глаза, но зная что засну, поднял руку. Ко мне мигом подлетел Ваню. Когда мы с пацанами в клубе, он обслуживает только нас.

– Кофе, Юрий Алексеевич?

– Лучше двойной. И без вашей дебильной корицы.

Черт. Пара дней на ногах давали о себе знать. Предвыборная гонка с ума уже сводит. Но тут главное помнить цели. Вся эта х**ня не зря.

Беру кофе у официанта, смотря куда-то вперед. Там, чуть дальше за столиком девки незнакомые сели. Разношерстные, словно из гарема сбежали. Кроме одной.

Сердце забилося, как бешеное. И это явно не из-за кокса. Кокс такое не вызовет. Воспоминания как пульей, прямо в лоб. Лиска?

Глава 7.

Нет. Её здесь не должно быть. В Лондоне сучка, под какого-то театрального педика ложится.

Эта была еще и худая, хотя сиськи, что надо. Торчат аж, из-под блестящего платья. Бретельки. Черт, я уже обожаю эти тонкие веревочки.

Стянуть одну и взять в рот сосок. Он наверняка крупный как ягодка. Во блять. Я прямо чувствую его на языке.

И выглядит офигенно. Не чета этим наскоро наряженным курицам.

А я смотрю, как она сидит так ровненько на краешке дивана и носик морщит, оглядывая помещение. Ну, давай же рыжуля, я здесь.

И сегодня я тебя, красивую заразу выдеру. А тебе еще и

понравится.

Кофе уже и не понадобился. Сон, как рукой сняло.

– Ты на ком залип? – спросил Кабан, уже спустив сперму в рот своей подружке.

– Да, вот нашел себе приключение.

– Я думал ты рыжих палкой гонишь.

И правда. Чего чего, а рыжих не люблю. Кроме одной. А эта похожа. Наверное и правда кокс в голову ударил.

Мой взгляд конечно заметили.

Курицы заржали, а глаза рыжей так и блуждали мимо. Я что, такой незаметный? А нет, увидела. Губы скривила. Вот сука.

Кабан тоже подметил выражение ее лица и тут же оскаллился.

– По-моему тебе сегодня не перепадет Самсон. Девка-то не про тебя.

– По-моему, – передразнил я. – Тебе нужно закрыть свой рот. Ваня! – позвал я пацана.

– Да? – вот нравится мне эта вышколенность. У всех. А всего-то ничего вытащил из дерьма и работу дал. И вот, ты уже для них бог. Детдомовцы не привыкли к доброте, наверное, поэтому как щенки ластятся даже к таким садистам, как я.

– Водки и закуски, на тот столик. Рыжей крале.

Парень посмотрел по направлению моего взгляда и кивнул.

Там, как раз началась суматоха. Судя по всему девкам захотелось телесами потрясти.

Пока бармен в запаре копался, моя киска уже убежала танцевать. Да не убежала, просто поплыла по лестнице на своих шпильках, виляя отменным задом. Люблю таких. Сочных. Не то, что эти, кожа на кости.

Пришлось встать, чтобы поглазеть, как она танцпол давит. Извивается, как на члене. Хороша баба.

– Шест ей что ли купить?

– Да походу просто мужика надо, – усмехнулся Кабан, поглядывая на танцующих со своего места.

На моем лице тут же расплылась ухмылка. Девочка так жаждет траха. Не могу же я оставить её в беде.

Ничего, ничего. Скоро я так же, по-твоему, тело буду водить руками и членом. Стягивать мини и ноги раздвигать. Она вернулась за стол, пошатываясь, минут, десять спустя. Почти как по заказу к ней подоспел Ваню.

Наклонился, а она только взглянув на поднос с приятностями, засмеялась, и, откинувшись на диван, махнула рукой. Мол, унесите.

– Вот же дрянь!

– Пойдешь наказывать? – спросил Кабан и поиграл бровями.

– Ну что ты, – ледяным тоном отозвался я. – Она только извинится за свою невежливость, и я тоже отведу ее в ресторан, – с намеком взглянул я на блондинку, что так и осталась

сидеть в ногах Кабана.

Тот заулюлюкал, а меня ждало другое веселье.

Еще один её взгляд, полный высокомерия, а меня тут же накрывает. В голове уже пусто и только одна мысль настойчивым басом бьет прямо в мозг.

Надо научить суку вежливости, потому что ну совсем еб**лась, отказывать Самсону. А мне если отказывают, то что... То, я беру сам.

– За мной, – скомандовал я уже заплетающимся языком, пацанам, с которыми и бой нестрашно. Каждый в таком долгу у меня, что век не отмоются. Я конечно и сам могу в рожу дать, но Ланской не дремлет. Кость я ему, поперек горла.

Встал в тени, исподтишка наблюдая за поглощающей уже пятый коктейль девкой. Отлично, кто бы сомневался, что она спустится в туалет. Подождал пока она зайдет, поставил пацанов у двери. Нам не должны помешать.

Зашел внутрь. Какие-то проשמандовки тут же выскочили за дверь. Меня многие в лицо знали, а кто не знал, с теми всегда можно познакомиться.

Как там. Здорово, я Самсон, потрахаемся? Нет, с такими деликатно нужно. Займемся любовью? Чуть не заржал от собственных мыслей.

Любовь. Надо же. Любовь это фуффло из книжек. В жизни нужно трахать. И не только баб. Мир надо нагибать, пока он не нагнул тебя.

Рыжая, наконец, вышла из кабинки, уже ни на что, не

обращая внимания. Помыла руки, ополоснула лицо и долго рассматривала сиськи.

Отличные сиськи я вам скажу. Вблизи еще лучше.

А как на ощупь?

Так легко спустить ляжку, а потом к чертям сорвать платье и вставить между них член, чтобы головка в рот тянулась.

Стояк уже рвался наружу, неприятно давил на боксеры.

Я знал, что с ним делать.

– Сама бы себя трахнула, – сказала она своему отражению и улыбнулась. Но на лицо тут же легла розовая тень от фанаря над раковиной, когда я предложил:

– Давай лучше я.

Глава 8.

*** Мелисса ***

– Ну, давай же рыжуля,пусти меня, – вытащил он пальцы и начал щупать другое отверстие, приставляя головку огромного горячего члена к первой. – Дай тра*нуть твою киску.

Я выла, отбивалась, цеплялась за последнюю надежду, что меня спасут, но и как тогда много лет назад, я должна была помочь себе сама. Вот только тогда, у меня не было возможности, а сейчас осколок раковины в моей руке ее подарил.

Раздумывать я не собиралась, тем более чувствовала уже между ног неправильное сильное неистовое давление, уже раздвигающее мне губы и обжигающее душу. Да, он же разо-

рвать меня может.

Удар пришелся в висок.

Я только пожалела, что не острой частью, тогда уже бы насмерть, а так, скорее всего только потеря сознания.

Он отключился и прижался лицом к моей обнаженной груди, там же, где он только что посасывал соски.

И я полностью игнорировала тлеющие угольки возбуждения от этой насильственной ласки. Только один человек когда-то мог меня ударить, а в следующий миг довести до чувственно исступления.

Я еле сбросила с себя тяжелённое тело и, наверное, мину-ту лежала, пытаюсь прийти в себя, наслаждаясь тем, что убергла себя от вторжения зверя.

Я победила.

Я не смогла победить тогда, но сделала это сейчас. Осознание этого перекрывало многолетнюю терапию у психиатров и попытки Дэвида меня возбудить.

Я снова стала женщиной. Только и это не принесло успокоения. Я вся тряслась, как в лихорадке.

Тяжело поднявшись на ноги, стараясь не смотреть в зеркало на свое грязное, в синяках и кровоподтёках тело, я пошла к своей сумочке, по дороге схватив футболку зверя. Мне нужно было накинуть хоть что-то.

Прикрыть срам.

Набросив черное с принтом одеяние, я испытала странное дежавю, но сейчас было не до воспоминаний. Нужно убрать-

ся отсюда. И поскорее.

Подойдя к двери и подняв валявшийся в луже клатч, я по возможности сделала голос, как можно ниже, чтобы крикнуть:

– Мы кончили.

Дверь распахнулась тут же.

Амбалы каким-то невероятным образом втиснулись в дверь одновременно и тут же застыли, подобно каменным изваяниям.

Они в немом шоке смотрели, то на своего босса, член которого медленно терял былую упругость, то на меня, жавшуюся к стене.

Один из них прошел вперед, присел рядом с «тарзаном» и пощупал пульс.

– Жив.

Я не стала говорить, как мне жаль, что насильник выжил.

Просто протиснулась между этих уродов, и тут же окунулась в атмосферу уже ненужного праздника. Он меня больше и не волновал.

Я хотела поскорее выбраться из ада, я хотела на воздух. В полной мере почувствовать новую себя.

Воздух. Пусть не свежий, пусть наполненный парами выхлопных труб, сигарет и человеческого зловония. Главное подальше отсюда. Как можно дальше от него и собственных воспоминаний.

– Рыжуля, давай на колени, времени нет.

– Но я не хочу, прошу тебя Юра! Давай что-нибудь придумаем.

– За свои поступки надо отвечать. Либо я, либо толпа за дверь. Решай быстрее. Тем более, у меня еще никогда так не стоял, как на твою пухлую задницу.

Как будто у меня был выбор. Как будто я могла что-то решать. Но прошлое закончилось и сейчас я сама себе хозяйка. Например, я могу не идти к девчонкам.

Даже, не потому что боюсь испугать, а потому что знаю... Им не до меня.

Судя по визгливым крикам со второго этажа веселье в самом разгаре.

Я тоже знатно повеселилась. До рвотных позывов и желания убиться об ближайшую дверь. Одна, как раз была на моем пути. Но я ее только толкнула.

Склонности к суициду у меня никогда не наблюдалось, даже в самые страшные моменты.

Дверь за мной захлопнулась с рваным скрипом, я в миг, чуть не задохнулась от облегчения, втянув носом ночной воздух.

Он опалил мою кожу прохладой, даря облегчение, настолько острое, что слезы хлынули из глаз. Но, как бы мне не хотелось стоять вот так, задрвав голову, смотря в ночное небо, на котором из-за городского освещения не было видно ни звездочки, надо двигаться.

Идти вперед, сначала по тротуару, под уличными фона-

рями, что освещали мой внешний, далекий от нормального вид.

Идти вперед, не обращая внимания на насмешливые или равнодушные взгляды. Но разве кто-то подойдет узнать, что со мной случилось?

Разве кому-то важно, что меня только что чуть не изнасиловали?

Всем плевать.

Всем, всегда было плевать.

Это я усвоила еще в юности, когда попала в детский дом. Еще тогда, когда меня беременную от местного ловеласа, каким считался Юрий, вели на аборт. Нормальная такая практика.

Но думать о своей жизни сейчас бессмысленно, нужно встать на краю дороги, там где потоки ветра от проносившихся мимо машин почти сдувают мою побитую фигурку.

И стоять с вытянутой вперед рукой, чтобы дожидаться, когда остановится машина.

Когда я уже догадалась, что сейчас лучше всего такси заказать, а не ловить передо мной остановился огромный черный джип, оглушая меня музыкой улиц:

Негатив даром пахнет наваром,

В этой стране ничего не менялось.

Трудное детство, нищая старость -

Всё как было, так и осталось.

(пробки, стройки, грязь)

Глава 9.

Новая волна страха накатила на меня.

Пришлось чуть попятится. Оглянулась по сторонам, думая куда в случае чего бежать. Второй попытки насилия я просто не выдержу.

Тонированное окно опустилось, мгновенно делая громче какой-то шансонный мотивчик.

– Эй, детка, тебя прокатить? – мордастый выглянул и улыбнулся, по его мнению соблазнительно, выставив ровный ряд зубов, в которых мелькнуло пару вставных золотых коронок.

– Нет, спасибо, – а хочется сказать: «Иди в жопу, меня сегодня уже прокатали».

Мужик только хмыкнул, и, врубив свой дебильный рэп, унесся в ночь, а и только слова из песни «Обнаженный кайф» и столб гари от паленой резины были мне приветом.

Уроды. Как было бы проще, стань я лесби, ну или монашкой. Хотя если вспомнить неадекватные реакции своего тела на поцелуи этого животного, то тут не грех и сразу в Ад заявку слать.

В раю, таким, как я не место. Зато мне место в такси. Вот оно как раз и подъехало.

Рядом остановился желтенький Solaris с шашечками и я молча села на заднее сидение, взглядом предвосхищая лю-

бые вопросы о своем внешнем виде.

Впрочем, его больше волновал адрес и названная сумма. Особенно сумма.

И вот двигатель заурчал сильнее, и я прислонилась лбом к прохладному стеклу, наблюдая за тем, как мимо меня проносится город, размышляла.

Вспоминала. Принимала решения.

И одно назрело у самого дома, обросло ветками сомнений и листьями будущей лжи. Я не могу оставить все так.

Это раньше, спрос был как с гуся вода, а сейчас я чего-то стою. Сейчас я знаю цену своей чести. Тем более, если позволить продолжать этому уроду бесчинствовать, спокойного сна мне не видать. Как пить дать.

Спустя еще минут тридцать, влетев в квартиру, наскоро стерев кровь и кое-какую грязь, чуть не запнувшись на пороге, быстро натянула джинсы и вернулась в такси.

Водитель, спасибо ему, не задавая вопросов подвез меня до ближайшего отделения полиции. Когда я протянула сумму, в два раза большую той, что я назвала в начале, он отказался от денег.

– Вам нужнее, – было ответом на мой вопросительный взгляд.

– Спасибо, – только и вымолвила я, наблюдая за уже второй уносившейся в ночь машиной. Все-таки мир не без добрых людей.

Наверху мигал фонарь, и я, посмотрев на него, усмехну-

лась.

Россия.

Даже на лампочках экономят. Не удивлюсь, что стори он совсем, а под носом страж правопорядка случится насилие они и не почешутся.

Эх... Надеюсь, что все же я ошибаюсь.

Тишина внутри поста немного угнетала, а дежурный за решетчатым окошком лишь мельком взглянул на меня и принялся дальше играть в свою приставку.

Это безразличие напомнило мне роддом, в который нас трех девчонок из приюта привезли на аборт. И такое же «Подождите» было тогда, и такое же: "Что, догулялась?"

Мне и тогда хотелось разодрать ногтями лицо женщины, думающей, что раз она дожила до пятидесяти или около того лет, то знает всех все лучше. Знает, как жить правильно.

И этот такой же. Сидит он. Пузо отрастил. Волосы бы хоть помыл. А на лице такая же улыбка все понимающего человека.

Но я сдержалась, не вцепилась в эти поросячьи глазки, а просто попросила позвать главного.

– Не положено.

Стало положено и уложено и отложено все, когда я впихнула дежурному свой иностранный паспорт. Уже через пять минут передо мной буквально расстелился капитан Бодров, судя по всему спящий на своем столе еще минуту назад.

Вот она мировая справедливость. Будучи гражданином

иностранного королевства, перед тобой расшаркиваются, а русский паспорт не значит практически ничего.

– Доброй ночи. – капитан запнулся и отвел взгляд. – Может и не совсем доброй. Расскажите, что с вами случилось?

И вот в кабинете, по размеру напоминавший туалет с пожелтевшими обоями и смрадом от пота и сигарет я начала свой спектакль. Пьесу я продумала по дороге, а сейчас включила актерскую игру в стиле лучшей мыльной оперы.

Я рыдала, тряслась, на себе показывала захваты и удары, многое напридумывала, и конечно была фееричная развязка. Рыдание на груди этого самого капитана.

– Я так хочу-у, чтобы его нашли и наказали. Капитан. Прощу вас войдите в мое непростое положение.

– Не волнуйтесь. Я лично займусь этим вопросом. Он будет найден и посажен за решетку. Можете на меня рассчитывать.

Я благодарила, как могла, прижималась одетой лишь в футболку грудью к его руке, вытирала слезы его платком.

– Сейчас вас проведут в медицинский кабинет.

– Это еще зачем? – не поняла я.

– Нам нужно. – она виновато на меня взглянул. – Снять побои и освидетельствовать половой акт. Он же был?

От освидетельствования я все-таки отказалась. Все, на что я по своему праву согласилась – это запечатлеть побои и синяки на фотокамеру.

– Вот, прочитайте и подпишите, если все верно, – передо

мною легли несколько листов бумаги, в каждый из которых я долго вчитывалась.

Что же, я зря сюда ехала, чтобы навести напраслину? До-читав, удостоверившись, что все написано с моих слов, я раз-машисто расписалась.

Я не стала ложиться в гинекологическое кресло только по одной причине. Это было бесполезно. Собственно и мой сю-да поход несколько дурацкое, спонтанное решение. Мне бы в больницу. Голова раскалывается.

Понятно же что дело замнут.

Потому что такие люди, которые могут закрыться в туа-лете и как ни в сем не бывало поиграть, как выразился этот урод, точно не сядут за свое веселье.

Но свое дело я сделала. Совесть чиста. Хоть немного, но жизнь ему мой паспорт подпортит. Тем более если он не ста-нет большим дебилом после удара в голову.

А в понедельник я обязательно доеду до посольства и по-прошу охрану. Они не откажут.

Как только оказалась дома, помчалась в душ. Скинула с себя ненавистное тряпье насильника и залезла под прямые, горячие струи, отчаянно стирая остатки чужеродных при-косновений.

И главное забыть, как потряхивало, как цепляло нервные окончания от того как знакомо он вылизывал и всасывал сос-ки, как его язык с жаром ласкал нёбо.

Рука с мочалкой невольно легка на грудь, совершая спокойные ленивые движения, чутка задевая покрасневшую кожу.

Кажется стыдом покрываюсь я, а горит грудь. Вот как объяснить что муж лаской и вниманием не заводил меня ни на пол оборота, ни на целый.

Машина с именем Меллиса так и не тронулась с места. А какой-то урод, смутно напоминающий Самсона, уже путем пусть и жестокого толкания машины, сумел завести давно заглохший двигатель.

Конечно психологи объясняют это, объясняют порушенным детством. Потом отсидкой в жестоком детском доме и тем, что по сути Юра спас меня от участи гораздо худшей, чем насильственный секс с ним. Но они не знают всего.

Не знают, что несмотря на мою любовь, он мне не доверял, что периодически я подвергалась побоям.

И конечно не знают про Никиту.

Прошлое

За восемь лет до основных событий. Россия.

*** Мелисса ***

– Мой сыночек, мой маленький. Какие у тебя глазки, какие губки. Какой же я глупой была. Думала отдать тебя смогу. Никто тебя не заберет. Никто, – шепчу, поглаживая пальчиками маленький, рыжий чубчик.

Если честно я думала, что он будет таким же жгучим брю-

нетом как папаша.

Мысли о Юре сразу вызывают ком в горле и слезы, но я усилием воли сглатываю. Хватит.

Он в прошлом. Вся его жестокость, недоверие, одержимость моим телом остались позади. Теперь в этом розовом комке смысл моей жизни. Мое место теперь рядом с ним.

– Люблю тебя, мой хороший, – говорю сыночку и реву как дура.

Как часто я хотела сказать эти три слова Юре, но боялась. Боялась, что засмеет.

Что вместо того, чтобы просто поцеловать и прижать к себе, в очередной раз трахнет. Место и время волновать его не будут. Ему главное ноги мои раздвинуть, вставить и сперму слить.

Самое главное, боялась, что не ответит взаимностью.

Ну ничего. Не вышло. Может и к лучшему?

Он никто. А мы с сыночком в Англии будем жить. Только вот тетю Мари убедить надо.

Она пока настроена крайне негативно к «отпрыску детдомоского ублюдка» – как она говорит.

Жуть.

Но чтобы не было, я любила Юру, и нашего ребенка отдавать не собираюсь.

Ни за что! Никому.

Как же его назвать. Может быть Денис? Или Павел? Или лучше... Рома?

Решу, а пока можно и посмотреть, как он к соску приложился и смачно сосет. Опять на ум папаша его приходит, который больше всего в моем теле, любил как раз довольно крупную грудь.

Малыш напился, срыгнул и тут же влажно причмокнув, сладко зевает.

Господи.

Не это ли счастье? Наблюдать, за родным существом, что еще совсем недавно частью тебя было. Росло внутри тебя. Толкалось, напоминая о себе.

Не давало спать. И теперь не будет давать. Радовать будет. Улыбаться. Радость приносить. А я буду его победам радоваться.

Победитель... значение имени – Никита.

Точно! Мой маленький Ник. Теперь он будет светом в тьме, в которую моя жизнь превратилась со смерти родителей.

Да и при их жизни скорее серой казалась.

Они любили меня, правда. Но работу свою любили больше. Очевидно чувствуя вину за постоянное отсутствие в моей жизни, они покупали абсолютно все, что я хочу.

Не смотрели на ценники. Да и вообще жили в свое удовольствие, кормя при этом и сестру мамы.

Учитывая, что та уже давно живет в Англии.

Мне восемнадцать, наследство смогу получить только в двадцать один, а пока моим опекуном является она. Тетя Ма-

ша в общем.

Она по закону имеет право решать за меня, если я конечно не хочу пойти по миру. А мне теперь нельзя рисковать. Надо ее ободрение заслужить, показать, что мы с малышом ее любовным делам мешать не будем.

Тетя Маша, наверное, боится, что я все буду тратить на ребенка, а потом, когда совершеннолетие наступит, перестану давать ей деньги на фирменные шмотки и красивые машины.

Шлюшка зарубежная.

В свое время все страны объездила, всех херов перепробовала.

Нельзя, конечно, так говорить, но почему она так категорична в отношении Никиты?

Хорошее имя, правда же?

Он такой красивый, такой спокойный.

За неделю она приходила уже два раза, требовала написать отказную, но я каждый раз качала головой.

Если до родов, я была зла на Юру, на его жестокость, недоверие, думала избавиться от ребенка.

Но стоило мне только услышать протяжный, звонкий крик, внутри что-то надломилось. Хрустнула корка, мешающая полюбить малыша всей душой, изначально.

И теперь нет ничего для меня дороже. Нет счастья больше, чем ощущать биение его маленького сердечка рядом.

Спустя четыре месяца после встречи с тетей, когда мы уже

собрали все документы и собирались уезжать в Англию, я узнала, что беременна.

Тетя тут же билеты отозвала. Сказала, что «это» останется здесь.

И я, тогда все еще злая на Юру и заплаканная, на грани истерики была с ней полностью согласна.

Дура! Теперь жалею. Очень.

Ведь могли бы уже давно уехать. И там бы я ее уговорила, а теперь остается только... воевать.

– Меллиса, – вошла тетя. Даже в свои сорок три, статная блондинка. Красивая, но с уже наметившимися морщинами возле губ и глаз. – Вот та женщина.

Черт, черт, черт. Прижимаю к себе малыша сильнее. Не отдам! Отворачиваюсь от ее пронизывающего, бесчувственного взгляда.

Она, не имевшая никогда любви, детей, питомца, не сможет меня понять. Никогда.

– Я уже сказала, что не откажусь от него, – не отрывая взгляда от ребеночка, рывкаю я.

Он конечно испугался и тут же закричал. Пронзительно так, словно знал, что творилось в моей душе. Что творится в палате частной клиники.

– Сколько можно повторять одно и то же? Вы напугали его. Пошли все вон!

– Простите, – повернулась к посетителям тетя и закатила глаза. Сука! – Послеродовой синдром. Мысли путаются. Мы уже все обсудили.

Она подошла ко мне. Начала руки протягивать, а я её по ним ударила. Потом в волосы вцепилась. В причёску идеальную и змеей зашипела:

– Не отдам, слышишь меня? Забирай свои деньги. Оставь мне его... Оставь...

Она дает мне пощечину, так что голова дергается, но я все еще Никиту держу. Сильно к себе прижимаю.

– Прошу, Машенька, Тетечка, прошу не забирай его у меня. Он единственное ради чего я теперь живу, – рыдаю, но ей все не почем.

После недолгого, но бурного сопротивления, она буквально вырывает из моих рук Никиту. И я уже с кровати хочу встать, в ноги ей броситься. Волосы, крашенные повыдирать. И сердце бы вырвала, но нет кажется у нее в груди ничего.

– Никита! Верните мне Никиту! Юра! Юра! Помоги мне, скотина! Они нашего сына забирают, сына нашего украсть хотят! – уже на грани бреда кричу, надеюсь на что-то. Слушаю пронзительный плач моего красивого мальчика.

Моего! Моего!

Сколько бы не пыталась встать с кровати, сколько бы не истерила, кусалась, двое санитаров надежно меня прижимали.

А медсестра что-то в руку начала колоть.

Я кричала так, как никогда во время изнасилования любимым. Я не могла расстаться со своим малышом. Это была часть меня. Часть Юры. Не того ублюдка, что избивал, а того, кто сладко целовать умел.

– Отдайте мне моего ребенка! Тетя Маша, пожалуйста! Отдайте мне Никиту! – продолжаю кричать, но все глуше, в их равнодушные лица. А слёзы нескончаемым потоком бегут по лицу и что-то надрывается внутри. Боль такая, словно кости ломают. – Он мой! Он только мой!

– Мы назовем его Никита, – пошла на уступку маленькая женщина, любовно принимая на руки кричащего младенца. Моего младенца. И за дверь вышла.

Тварь. Все они твари. И Юра тварь, потому что не пришел. Потому что забыл. Потому что поверил, что я могла с кем-то спать кроме него.

Ненавижу. Особенно его. Особенно того, кого люблю.

Глава 10.

*** Самсонов Юрий ***

– Сегодня ты не сопротивляешься, – шептал я, сжимая мягкое тело Меллисы, постоянно касаясь ее своим набухшим членом, через два слоя ткани. – Такая нежная, податливая. Такая моя.

– Я всегда твоя, – заплетающимся, от выпитого языком, говорила она, лаская мою шею, обжигая касаниями языка, опалая горячим дыханием.

Внутри уже все горело, член просто рвался из спортивных

штанов, готовый, как всегда, врезаться в тесные глубины.

На самом деле она ненавидела меня, но сейчас, в эту секунду, в заброшенной части здания, она меня любила. Хотела всегда, ненавидела всегда, а любила только сейчас.

– Ты сам сделал меня своей. Заставил вернее, – пролепетала она. Я чувствовал, как смешивается наше дыхание, как мой мужской животный запах обволакивает ее женственность, заставляет возбуждаться сильнее, буквально течь.

Мои руки уже забрались под простое летнее платье, и нащупав резинку трусиков, стянули их вниз, сразу пробираясь пальцами внутрь.

Там, между розовых складок было до одури тесно и горячо, а осознание, что это только мое, что только я был там, сводило с ума.

Это чувство собственности не было мне присуще раньше. Я спокойно делился девками с другими пацанами, пока не появилась она.

Меллиса, рыжая Лиса, такая офигительно красивая, мягкая, невинная.

Моя Лиса.

Я толкнул ее назад и посадил на подоконник. Она наверняка ощутила холод, но вскрикнула не из-за этого.

Твердый, крупный член уже толкался внутрь. Просто нереально круто, не сравнить с раздолбанными дырками шлюх. Мои пальцы, до боли впивались в нежную, почти прозрачную, кожу спины, чтобы буквально распластать Мелли-

су, чтобы быть еще к ней ближе.

– Юра, – шептала, она, выстанывая каждый гласный звук. – О, Юра.

– Да, моя сладкая, кричи для меня, – рычал, я проталкиваясь дальше. Глубже. Быстрее и до конца.

Вталкивался, проникал, пока наконец не ощутил, что полностью внутри.

Член сжало тисками, словно Меллиса сама сильно сдавила его кулачком.

Я сразу поцеловал дрожащие от волнения губы, чувствуя на языке сладкий вкус своей девочки, смешанный с ноткой алкоголя, которым мы праздновали день рождения. Мое.

Лучший день рождения. Потому что сегодня рядом была она.

Та, что принадлежала мне. В эту секунду, пока я с размаху врывался в тесное влагалище, губами посасывая её сосочки.

Та, что цеплялась пальцами за мои плечи, пока я увеличивал скорость, работая бедрами как отбойный молоток, желая поскорее кончить.

Та, что просто не смогла больше сдерживать крик, когда мои руки сдавили ее крупные, похожие на молодые дыньки, груди.

Та, что тряслась в оргазме, похожим на маленькую смерть, пока я тяжело дыша, сделал последний выпад и замер изливаясь внутрь.

– Самсон!

Погруженная в темноту, пропахшая лекарствами и рьяной долей алкогольных паров комната, резко озарилась светом. Тяжелые портьеры разошлись в стороны.

Что, мать твою происходит?

Я застонал, пытаюсь вырваться из плена страстных снов и попытался открыть глаза.

Сейчас для меня казалось злом все на свете. И собственно сам свет, настойчивая барабанная дробь в голове, вызывающая боль и засуху во рту.

Но самое главное, лучший друг и партнер по бизнесу, силуэт которого темным пятном выделялся на фоне окна.

И пятно это надо сказать было весьма грозным.

– Подъем Самсон, ты доигрался.

И, наверное я бы поинтересовался, о чем собственно твердит Сыромяткин Сергей Валерьевич или просто для своих – Серый, но кровь в висках стучала так, что все, что я смог сделать это протянуть руку, подобно пленнику на галерах и прохрипеть:

– Дай воды, будь, сука человеком.

Вместо того чтобы облегчить мне жизнь, этот "серой" гавнюк попросту выплеснул стакан воды в лицо.

– Эй! – заорал, не ожидавший такой подставы я и сел. – Я хотел попить, а не быть облитым. Падла.

– Ну, что сделаешь, ты же не уточнил, – как ни в чем не бывало, пожал плечами Серый и уселся в кресло рядом с кроватью, закинув ногу на ногу.

В руках он вертел уже наверняка потеплевший от постоянных звонков телефон. Он редко у него затыкался.

Я же еле держал глаза открытыми, смахивая стекающие капли воды по лицу, слизнув остатки с твердо очерченных губ и пытался понять.

А что вообще происходит?

И какого хрена Серый ведет себя так, словно мы поменялись ролями и теперь тот встал во главе компании.

– Ты чего мутишь, у тебя недотрах? – спросил я все-таки сумев достаточно продрать глаза. Похоже, вечеринка в честь прощания с дредами, трепетно растущими семь лет была плохой идеей.

– Так, ты только скажи, – продолжил я. – В шестом в миг все уладят, я там недавно видел такую...

Подмигнул другу и показал на себе размер груди, явно не сочетающийся с реальностью.

Серый смотрел на меня, как на больного, сбежавшего из психа диспансера, что, впрочем, было неудивительно. Очевидно, кокс как-то влияет на характер, ибо я шутить, вообще не привык.

– Так, ты меня взглядом не гипнотизируй, я твой недотрах вылечить не смогу, я по девочкам.

– Недотрах у тебя! – резко прервал его шутливый тон Серый, вскочив. – Если ты ради ебли с рыжей сучкой решил просрать все, к чему мы шли шесть лет!

Глава 11.

– Не ори! Нормально объясни! – жестко рявкнул в ответ я. Совсем страх потерял, урод. Резко спустил, отекающие после сна ноги на мягкий ковер. – Устроил мне тут бабскую истерику! Я тебе жена что ли? Объясни как следует, а не так словно у тебя хуй во рту застрял.

Серый напряг челюсти и кивнул соглашаясь. Этому блондину прекрасно было известно, что злить меня, вредить в первую очередь себе.

– Я про твою позавчерашнюю вечеринку. И туалетные шашни с иностранкой, – стал он расхаживать по спальне, меряя его вымуштрованными в армии шагами. Именно там я и встретил этого хилого паренька, взяв под свою защиту и сделав нереально богатым человеком.

– Ну и что? – легкомысленно отозвался я, разминая шею и мускулистые плечи. – Ничего я ей не сделал, поухаживал маленько, а сучка мне еще и по башке дала.

Я коснулся перебинтованной головы. Мда-а. Не так я мечтал расстаться с дредами. Когда серый промолчал, я поднял на него взгляд и нахмурился. Ну что он блин, телится как монашка.

– Что ты опять пялишься?

– Поухаживал, – откашлялся тот. – Она утверждает, что не только поухаживал.

– Да, в смысле?

– Она заявила об изнасиловании.

– Вот зараза! – вскочил я и пошатнулся. Голова просто ватная, а ноги дрожат. Серый хотел помочь, но передумал. Кто-кто, а я в поддержке не нуждался.

– Она ничего не докажет. А мы скажем, что пиздит!

– А это уже не важно. Есть заявление, есть дело. А в суде поверят скорее иностранной гражданке, чем бывшему детдомовцу, зеку и наркоману.

– Не кипишуй. Решим. Все одним миром мазаны. Денег дам и все, – пожал плечами я и стал медленно переставлять ноги в сторону шкафа, мелькая крепким задом и широкой спиной. Серый отвел взгляд.

– Адрес ее нашел?

– Да уж, не отлеживался, как не которые, – достал друг из сумки папку и бросил в меня. Она столкнулась с моим каменным прессом, но упасть не успела.

У поднаторевшего в драках мужика и должна быть отличная реакция. И память. Память меня никогда не подводила, и сейчас услужливо подсовывала образы прошлого, снов, как только я взглянул на девичью фамилию иностранки.

Фролова мать ее.

Вот это выстрел из прошлого.

– Ты чего застыл?

Серый уловил мое смятение, что в принципе было мне не присуще.

– Как много ты знаешь рыжих Меллис, а Серый? – махнул

я папкой из стороны в сторону, и отбросил на рабочий стол. Один из многих в этом современном загородном доме.

Серый в недоумении поднял брови.

– Ни одной?

– Во-от... А я помню только одну, – я уже резвее шел к шкафу с одеждой, чувствуя что меня подгоняют голодные волки, имя которым предвкушение.

Мне не терпелось снова, как десять лет назад заглянуть в эти невинные, но такие лживые глаза цвета глубокого моря.

– И что ты... То есть, как ты будешь договариваться с ней?

– Для начала закончим начатое, – улыбнулся я уголком рта, вспоминая вкус кожи чертовки. Не удивительно, что член сразу определил себе цель в моем пропахшем похотью и грехом клубе.

В ней ведь почти ничего не изменилось, и даже влагилице пахло столь же сладко, как тогда, когда я срывал вишенку.

– В смысле? – допытывался Серый.

– Раз уж она утверждает, что я трахнул ее, то я так и сделаю.

Глава 12.

Никита. Проведя бессонную ночь, терзаемая мыслями о своем мальчике и последних неприятных событиях, заснула под самое утро.

Проснулась от телефонного звонка.

Потянулась за смартфоном, еле продирая глаза, скорее

всего покрасневшие от слез, которыми я сильно увлажнила подушку.

– Слушаю.

Приемная мать Никиты, Ольга Михалевская снова просила денег и я, немедля помчалась в банк переводить в Белгород сумму, как всегда, большую, чем требовалось.

И не чувство вины двигало мною, а желание сделать жизнь Никиты прекрасной. Я хотела, чтобы он никогда ни в чем не нуждался.

Выстояв положенную очередь и улыбнувшись женщине за стеклом, я невольно сравнила ее с Ольгой. Такая же приятная на вид, за сорок с прической горшком на голове.

Я помнила ее еще по роддому, когда тетя Маша привела их с мужем в отдельную палату забрать моего ребенка.

Маленького, розовенького, ростом – пятьдесят три сантиметра и весом три с половиной килограмма. Идеальный малыш с рыжим пушком на головке и еще мутными голубыми глазенками.

Он тогда славно причмокивал налившуюся молоком грудь.

Меня толкнули плечом на перекрестке, где я переходила дорогу, вырывая из водоворота мыслей о прошлом, которые по возвращению в Москву окружали меня все чаще.

Могла ли я что-то сделать? Дала бы Никите, то, что дала Ольга с обеспеченным мужем?

Муж недавно стал инвалидом и деньги в их семье резко

пошли на убыль. Я узнала об этом от самой Ольги, с которой переписывалась все десять лет. Социальные сети и благо, и зло.

Удивительно ли было то, что я тут же бросила престижное место в журнале National Geographic и вернулась в Россию работать в женском бульварном издании? Нет.

Я не могла оставить сына, пусть теперь и чужого на произвол судьбы. Тем более что у меня появилась возможность наблюдать за тем, как он растет, играет в футбол, так когда-то любимый Юрой.

О нем, я кстати не беспокоилась, почему-то была уверена, что он, как и многие детдомовцы стал бандитом.

Нам просто негде было пересечься.

В квартире после небольшой уборки, стала ходить из угла в угол, как неприкаянная. Тело наливалось тяжестью, сердце гулко билось в груди, отражая мое беспокойство.

Страх, вроде бы ничтожный, но он был со мной и вызывал в мозгу вопросы, не дававшие покоя: Зачем я пошла в отделение? Что это мне дало?

Кто такой этот «тарзан» и почему на его грубость, мое тело отзывалось точно так же, как десять лет назад с Юрой.

С этими мыслями я и легла спать, завернувшись в свою самую теплую фланелевую пижаму и надев шерстяные носки. Дома не было холодно, но мороз то и дело мурашками пробегал по коже. Заболела?

Уже второй день подряд проснулась от настойчивого звонка. На этот раз в дверь. С трудом оторвала голову от подушки, села и потеряла глаза.

– Да, кто там такой охамевший?

Подруг, как таковых у меня не было, а залить соседей я не могла. Посмотрев на часы и увидев, что доходит только семь, нахмурилась.

Еще час могла спать спокойно.

Изверги.

Собиралась я на работу всегда быстро, поэтому была лишняя минутка поваляться в постели. Сразу возникли воспоминания о том, что когда-то именно Юра любил будить меня пораньше, и перед своей тренировкой получать утренний минет.

Замерла на пороге, невольно осматривая свою квартиру и окно, где рассвет, зачинался над Москвой-рекой.

Мне это жилье с приличным ремонтом, достаточно дешево нашли люди из посольства. Я, конечно сама все покупала: мебель, вещи, но как-то быстро, неосознанно. Тут все было так безлико. Современно и сухо. Я даже за пол года не смогла ее как следует обжить.

И почему я нигде не могу почувствовать себя дома. Почему меня, как вилами скребет чувство, что я везде чужая.

– Да, иду! – раздраженно крикнула я, когда звонки прекратились, и началась долбежка в дверь. Да, такая словно там собрались все демоны ада, чтобы забрать душу, что я одна-

жды продала, влюбившись в дьявола.

И тут вспышкой света пришло осознание. Дьявол. Я застыла, словно в растаяв в пол, покрытый паркетом.

Он был там, за дверью. Он узнал о заявлении и пришел требовать ответа.

Постаравшись не впадать в панику, я медленно подошла к двери и посмотрела в глазок. Коридор чистый, светлый в голубых тонах был пуст, а потом, почти отбросив меня вибрацией, дверь снова сотряслась от удара, и прозвучал до ужаса, до трясущихся коленок, знакомый голос:

– Меллиса, открывай, я знаю, что ты за дверью.

А потом перед глазком появился он.

Кошмар всей моей жизни.

Неправильная, болезненная любовь.

Насильник, чуть меня не изнасиловавший на мокром полу сортира. И если пьяной в темноте клуба я его не узнала, то при свете не могла не понять, что...

Самсонов Юра снова вернулся в мою жизнь.

Взглянув на себя в зеркало, увидела бледное до самых корней волос, лицо.

«Мне пи*дец!!!»

Глава 13.

"Мне пиздец..".

Эта мысль барабанной дробью билась в мозгу, отдаваясь

во все тело. Оно просто напросто похолодело.

Дверь сотряслась от нового удара и я, собрав в кулак всю силу воли, решила открыть. Ну, а что? Мы ведь уже взрослые люди.

У нас есть полиция, если что в кухне есть нож, на крайний случай можно заорать и мужчина из соседней квартиры, уже не один месяц меня клещащий придет на помощь.

Чем быстрее я открою и поговорю с ним, тем быстрее снова избавлюсь.

Забуду, как страшный сон. Снова. А забуду?

Все замерло, кажется, даже демоны за дверью затаились.

Провожу дрожащей рукой по волосам и лицу, стирая последние следы сонливости, чтобы потянутся к двери.

Открывала медленно, так, словно в страхе пробиравась по лесу.

Юра изменился, теперь я понимаю, почему я сразу не узнала его. И дело даже не в темном освещении или дредах, которых теперь не было.

Дело было в нем самом. В раздавшихся плечах, еще больше ожесточившихся глазах, твердой линии рта, и руках, судя по размеру одним движением, способных свернуть человеку шею.

Не просто человеку, мне. Раньше он был юношей, теперь передо мной стоял мужчина. Властный, жестокий, привыкший повелевать.

– Привет, Рыжуля.

– Здравствуй, Юрий.

Голос конечно тоже. Стал глубже, ниже, словно раскати-
стый гром в летнюю удушающую жару. Таковую же, что у меня
в теле.

Воздуха почти не осталось, а сердце вот вот вырвется из
груди.

Зовите срочно доктора, больная снова залипла на насиль-
нике.

Эта мысль меня отрезвила.

Он насильник. Таким был, таким он и остался.

И взгляд. Он снова меня раздел, трахнул, одел, нагнул и
заставил сосать. И все, одним только взглядом. Не человек,
животное.

Я перестала глазеть и, нахмурившись, сложила руки на
груди.

– Зачем пришел?

– Соскучилась? – сыронизировал он и ухмыльнулся. –
Приехала в Москву, а старым друзьями не сообщила.

– Напомни мне, когда мы стали друзьями? – Его насмеш-
ливый тон в край выбесил, и я встав на изготовку, начала
стрелять обвинениями. – Не тогда ли, когда ты меня насило-
вал, или может быть когда избивал, а нет, – закатила я гла-
за. – Наверное, когда за гипотетическую измену, чуть не от-
дал на растерзание своре похотливых ублюдков? Мне нечего
тебе сказать, уходи!

Сказала и попыталась закрыть двери, но властная рука,

словно шлагбаум, не дала ей двинуться с места.

– Не так быстро. Во-первых, ты украла мою футболку, – он, даже не обращая внимания на мое тело, просто отодвинул и протиснулся в прихожую. Его амбалы – те самые уроды – все это время стоявшие за ним, тоже вошли внутрь и закрыли двери.

Черт. Кажется, я что-то говорила про адекватность.

Я отошла назад, чтобы еще раз удивиться, как вроде бы просторное светлое помещение может враз стать настолько тесным.

Все из-за парочки огромных амбалов. Юра прошел в гостиную и стал по-хозяйски рассматривать вещи, а кое-что и трогать.

– Ничего не трогай, – сразу нашлась я, отойдя от первого шока. Он обернулся и поднял брови. – Что?! Да как ты вообще смеешь после всего сюда заявляться?

Я не смогла сдержать рваный крик, чувствуя дрожь гнева пол всему телу.

– Ты посмотри, какой ты стала горячей. Сопровивляешься, кричишь, – вкрадчиво говорил он и сделал шаг ко мне.

– Стой на месте! – сразу предупредила я.

– Ты теперь не просто Лиса, а дикая рыжая кошка. В постели ты тоже перестала быть бревном? – ухмыльнулся он и снова сделал шаг.

– Да, как ты смеешь? – задохнулась я от возмущения. И это после того, как я часами плавила в его объятиях. Сукин

сын!

– Смею, смею. А вот как у тебя наглости хватило подать на меня заявление? – вдруг изменил он тон голоса и приблизился еще на шаг. Я ничего не могла с собой поделаться и отбежала в сторону, схватил первое, что попало под руку. Лампу на длинной ножке. Весь его вид пугал до трясущихся коленей.

– Не подходи! Кончилось то время, когда ты мог безнаказанно пользоваться девушек. Насильник должен сидеть в тюрьме! – крикнула я и от страха все-таки бросила лампу в Юру. Он, скотина, конечно, увернулся, даже не вздрогнув, когда лампа разбилась за его спиной и оскалившись рванул ко мне.

Я с громким визгом, побежала от него в свою спальню.

Парни, стоявшие по струнке смирно, дернулись, но тут же замерли, когда Самсон дал команду «стоять!» еле заметным движением руки.

– Я сам. Лиса! – позвал он меня, пока я держала дверь спальни спиной, а потом резко рванула к телефону. Успеть бы.

Дверь с грохотом открылась, и меня буквально откинуло на кровать. Я с визгом перекувыркнулась и встала, тяжело дыша прямо напротив своего личного кошмара.

И владей мной только страх, было бы легче. Нет, к своему стыду я начала чувствовать знакомое чувство неги внизу живота.

Внутри тлели угли, а взгляд Юры ласкающий мое лицо и тело, пусть и грязно, но когда-то я кайфовала от этого, разжигал угли в настоящее пламя.

Оно лизало мне лоно, заставляя его все сильнее увлажняться.

Он кивнул на кровать.

– Много ебали тебя здесь?

– Сотни. Тысячи! И все они были лучше тебя! – в запахе закричала я и, схватив с туалетного столика духи, дорожные, снова кинула в него. Стена за его спиной снова окрасилась брызгами осколков и темным пятном душистой жидкости.

– Отлично, – разозлился он и взялся за футболку. – Тогда я следующий.

Глава 14.

– В моей очереди для тебя никогда не будет места! – отошла я назад к окну, думая, что можно было бы спрыгнуть. Но девятый этаж не позволял такой роскоши.

Юоа ловко взобрался на кровать – в ботинках, свинья – и я смогла прошмыгнуть на кухню. Быстрее. Быстрее. Туда, где нож. Куда угодно. Только бы подальше от него.

Схватившись за разделочный нож для мяса, я резко обернулась и вскрикнула, когда поняла, что полоснула Юру по руке.

Кровь сразу окрасила розовым белый кафель, но сам он, как будто не замечал этого, впиваясь в меня глазами.

– В твоей очереди Меллиса, я всегда номер один.

– Не подходи, я уже полоснула тебя, – кивнула я на руку, думая о том, что перевязка бы не помешала.

Что?! Очнись! Он снова хочет сделать тебе больно! Ты должна его обезвредить. Убить, если потребуется.

– Это? – насмешливо поднял он руку, показывая мне тонкий порез, из которой капала кровь. – Это ерунда.

Я закричала, когда он слизал собственную кровь и навис надо мною.

– Ты псих! – еще раз заголосила я и ощутила, как кончик острого ножа уперся ему прямо в пресс, судя по всему железный, потому что нож не ушел ни на пол сантиметра в кожу.

– Лиска, неужели ножом меня зарежешь? – издевательски поинтересовался он, но при этом не двигался. Ждал.

Его взгляд изменился, там больше не было безумия. Лишь хладнокровие и похоть.

Он всегда хотел меня.

Захотел, как только увидел и взбесился, когда я вместо пускания слюней как делали многие, взяла да и вылила стакан с компотом ему в лицо.

Перед всей столовой. Унизив его, и загнав себя в такой капкан, что до сих пор не отпускает. Он не отпускает, держит в силках как рыбу своим взглядом, всем своим видом.

Его возбуждение, громко стучавшее в груди и вырывавшееся горячим дыханием изо рта, перетекало и в меня.

Но это неправильно. Он неправильный. Это раньше, он мог заставить течь меня одним касанием, пусть даже болезненным, но теперь я изменилась. Я не слабая. Я не слабая! Я уверена, что смогу с ним справиться. Так ведь?

– Ну же рыжуля, одно усилие и я тебя больше никогда не побеспокою, – не сползала ухмылка с его лица, но глаза оставались серьезными, жаждущими меня.

– Давай!

Рука затряслась от противоречий в желаниях. Я не убийца, да и не умрет он, хотя есть горло. Я перевела взгляд на его кадык, который, как и мое сердце ходило ходуном.

– Ну же, Меллиса, ты же сильная девочка. – тянул он слова, рассматривая мое бледное лицо. – Многого добилаесь. Иностранкой стала. Или нет? Или ты все та же покорная овечка, готовая лечь под того, кто проявит грамм заботы, – его слова прозвучали настолько унижительно и лживо, что рука с ножом затряслась.

Я понимала, что он специально провоцирует меня, но куда больше?

– Это не правда! – крикнула, пылая гневом, чувствуя как слеза скатилась по щеке.

Я хотела надавить сильнее, всадить нож в его отвратительную плоть по самую рукоятку, но просто не успела. В жизни, как в дикой природе. Один раз замешкался и ты лишь звено в пищевой цепочке.

Самсон, рукой словно хлыстом ударил меня по пальцам,

выбивая нож и вдавливаясь в меня уже сам, прижимая к столешнице.

Я вскрикнула, но он же задрал рубашку, стягивая ее через голову и мои руки не стали ему помехой. Он сильно сжал грудь, одетую в тонкий кружевной бюстгальтер и я снова стыдливо застонала, ощущая, как мощные импульсы увлажняют место между ног.

Но почему!

Почему это так действует на меня?

И его поцелуй. Грубый до боли, резкий.

И, как это я не узнала это движение языка в клубе, как не поняла, кто оттягивает соски. Кто поглощает все силы и гордость одним движением руки от поясницы к заднице.

Когда-то я жила ради этих поцелуев, касаний, когда-то я любила настолько сильно, что меня потряхивало от одного властного приказа: «на колени» или даже дебильной фразы: «сними трусики, хочу твою щелку».

В Юре нет, и не могло быть ничего романтического. Он был скорее жестокой машиной, позволившей себе маленькую слабость. Меня.

Меня он сейчас раздевал, целуя, чтобы пробраться пальцем туда, где так влажно и горячо.

Это все не было романтическим, это было самым настоящим насилием!

Алло, мозг! Хватит утекать вместе со смазкой, что растирал по клитору Самсон. Хватит! Очнись! Он насильник! А

ты просто шлюха, которая не может ему отказать.

В нем ничего не изменилось, только стало еще хуже, а я плыву, теку как похотливая сука и уплываю вдаль nirваны.

Рука на столе сползла чуть дальше нащупав еще один нож, а рука Юры уже забралась внутрь меня, растягивая лоно для своего крупного шланга.

Я знала, что его член уже рвется из джинс, чтобы заменить палец, чтобы разорвать мое тело на тысячу осколков экстаза.

– Нет! – резкий взмах руки и нож оставляет полосу на его щеке.

Он отшатнулся, прижав пальцы к ране, и диким взглядом осмотрел мою руку с ножом. В его взгляде было все что угодно, кроме человечности. Там была непроглядная тьма, накрывшая меня с головой.

От испуга я разжала пальцы, и оружие выпало, застревая острым лезвием в полу.

– Ты никогда не хотела по-хорошему, – прорычал он, словно зверь, глазами демонстрируя бешенство. – Сука!

Я не успела отойти или сделать хоть что-то, кроме окрика боли, когда его рука мощным движением снесла меня в сторону.

Я больно ударилась копчиком об пол, а затылком об кухонный гарнитур и закричала сквозь страх и ужас:

– Что тебе от меня нужно! Чего ты хочешь?!

На шум опять прибежали амбалы.

– Ты подала заявление в полицию, – взглядом остановил охрану Самсон и посмотрел на меня. – Забери его.

На меня накатило мимолетное облегчение. И все?

Глава 15

– Поехали прямо сейчас, – тут же предложила я, думая что скоро смогу избавиться от всего этого дерьма, в которое Юра снова меня окунает.

Он словно задумался и недобро сверкнул глазами. Хотя слова добро и Самсон в одном предложении могут быть только в одном случае. Противопоставление.

– И даже условий не предъявишь. Денег?

– Юр! Какие деньги?! Все, что я хочу это дать своим глазам больше никогда тебя не видеть! – отчеканила я и тяжело поднялась, понимая, что уже полностью обнажена.

Амбалы даже не постеснялись осмотреть мое тело.

Хамло.

– Вот и отлично, – кивнул Самсон и, не дав мне пройти в спальню за одеждой подхватил и забросил на могучее плечо.

– Ты с ума сошел?! – закричала я и тут же взвизгнула, когда его тяжелая ладонь ударом накрыла мой зад. – Поехали в полицию, заберем заявление и просто распрощаемся.

– Не раньше чем я тебя трахну, я слишком долго тебя не видел. Я что, не мог соскучиться?

– Юра! – верещала я, извиваясь на его плече, чувствуя себя куском мяса. – Я не поеду с тобой! Ну хорошо! Дай мне

хотя бы одеться! Я же голая!

– Сегодня шмотки тебе не понадобятся, – усмехнулся он.

С этими словами Юра из моей квартиры и забросил в только что открывшийся лифт. Где все соседи?!

Почему никто не реагирует на мои пронзительные крики о помощи? И почему один из амбалов роется в моей сумочке?!

– Не трогай паспорт! – потребовала я, но Юра уже зашел в тесную зеркальную кабину и дверь закрылась.

Это ощущение тесноты и нашего запаха смешавшегося в причудливый коктейль сводило с ума. Он был полностью одет, а я обнажена.

Сколько не прикрывайся, ни один участок тела не остался без внимания его черных глаз и жадных растянувшихся в оскале губ.

Я поднялась и прижался к стенке лифта, ощущая яростные потоки горячего воздуха вырывающиеся из моего рта.

– Животное! Скотина! Мне надо на работу! – громко говорила я, смотря в его насмешливые глаза и на улыбку, которую мне хотелось стереть движением руки. Никогда не замечала у себя склонности к насилию. – Юр, послушай. Не надо. Я не хочу тебя. У меня налаженная жизнь! Без тебя! Оставь меня в покое!

Он молча нажал кнопку «стоп» и похотливо осмотрел мое тело.

– Открой двери! – испуганно пискнула я, когда несмотря на мои просьбы, он просто сделал шаг и навис надо мной

огромной скалой.

– Мне казалось ты должна была запомнить, что орать на меня не следует.

– Я, – замялась я, не зная куда деть глаза. Конечно помнила. За повышение голоса всегда прилетало большее всего и трах переставал доставлять удовольствие.

– Не подходи, прошу, – Господи он так близко. Его тело источает настоящий жар. Я столько раз фантазировала об этом, но я не должна хотеть его. Не должна!

Мысли круговоротом носились в голове, пока он просто осматривал мою грудь, отчего соски уже начало покалывать.

Я прикрыла их, но он откинул мои руки очередным хлестким ударом.

– Если ты оставишь меня в покое, то и напомнить ничего не придется, – сделала я последнюю попытку вразумить его.

– Завтра, – твердо сказал он, словно убеждая сам себя и резким движением рука сжал мою шею. – А сегодня...

Он поцеловал меня.

Я же испугавшись собственного желания от этого властного касания губ, подняла руку и без размаха дала ему по лицу. Я не могу так просто сдаться.

Не могу.

На этот раз он не взбесился, только сжал шею сильнее, почти до потемнения в глазах и поднял меня в воздух.

Сколько бы я не сопротивлялась: хрипло кричала, отталкивала, сколько бы не царапала его лицо, он так и не отнял

губ от моих, долго и со вкусом лаская язык, зубы и небо.

– Сволочь! Насильник! Ненавижу! – крикнула я, когда смогла вдохнуть тяжелого воздуха, а Юра тем временем сжал одной рукой мои груди и принялся лизать соски.

Тело и так наполненное возбуждением вконец окосело. Мир вокруг померк, осталось только ощущения языка Самсона на сосках.

Чувственное и вместе с тем жестокое. Он словно пожирал их на ритуальном обеде, а я всхлипывала от восторга.

– Они стали еще лучше, – хрипло произнес он и просто зарылся, в крупные как дыньки груди лицом, уже расстегивая пряжку ремня и ширинку. – А как там внутри?

Поняв, что сейчас произойдет я снова начала сопротивляться. Но сейчас я не использовала ни доли той силы, что с незнакомцем, каким представлялся мне Юра в тот вечер.

Не было сил?

Или желания?

Все сопротивление разом сошло на нет, когда он просто раздвинул мои ноги еще шире и толкнулся членом внутрь, при этом утробно зарывав:

– Моя Меллиса.

Глава 16.

Он действительно напоминал зверя. И мне вдруг захотелось ощутить всю его мощь, потому что я была его добычей. Когда хищник воткнул в тебя свои зубы, есть ли смысл пытаться бежать?

Не сдерживая порыва, я стянула с него футболку и теснее прижалась к мускулистому телу, царапая ногтями кожу на его спине.

Меня уносило от ощущения, как меня растягивает огромный член. Мне всегда казалось, он был меньше.

Когда Юра, заставляя смотреть на себя, стал медленно продвигаться, я чувствовала каждую вздувшуюся вену его плоти.

Как член оказался полностью внутри, а моё влагалище тесно сжало его крупную головку, а затем и весь ствол, голова стала пустой, а перед глазами запрыгали чертики.

Он вновь всосал в себя мой язык и задвигал бедрами.

Сначала медленно, вторя совокупляющимся ртам – он смаковал меня, как терпкое полусладкое вино, а потом чуть ускорился, вдавливая меня в зеркало, и я на миг взглянула в то, что напротив.

Мать его! Я просто задохнулась от полноты чувств.

Там было животное, его спина сторблена, испещрена татуировками и шрамами, но ничего эротичнее перекатывающих мышц и движения его мускулистой задницы я не видела.

Он само зло. Самое сексуальное зло в мире. И это зло старается растянуть меня для себя. И это зло скользит в моем скользком влагалище, трется об его стенки И это зло рвано дышит, сжимая челюсти.

Сама себе противореча, я хрипло простонала, дергая за

ХВОСТ САМОГО ДЬЯВОЛА:

– Как-то скучно.

Слушаем и кайфуем от голоса и текста

Девочка-война HammAli & Navai

Глава 17

Самсонов

Восемь лет.

Я не видел её десять ебанных лет. Думал, что не увижу никогда. Ненавидел за измену, за то, что сбежала.

Хотя, если по чесноку никуда бы не делась, не появилась тогда ее дорого одетая тетка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.